ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ: 1 И 16 ЧИСЕЛЪ.

Подписка принимается въ Редакціи, при Пензенской дух. Семинаріи.

№ 8.

Цѣна годовому изданію Вѣдомостей съ пересылкою и доставкою 5 руб.

15-го апрѣля, 1879 года.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія награды.

Въ первый день апрѣля Высочайшими граматами сопричислены: Преосвященный *Филоѳей*, митрополитъ кіевскій и галицкій къ ордену—*святаго равноапостольнаго князя Владиміра первой степени;* преосвящен: *Германъ*, епископъ кавказскій и екатеринодарскій, и *Макарій*, епископъ архангельскій и холмогорскій—къ ордену *святаго равноапостольнаго Владиміра второй степени;* преосвященные—*Филаретъ*, епископъ рижскій и митавскій, *Ювеналій*, епископъ орловскій и сѣвскій, *Іустинъ*, епископъ острожскій, викарій волынской епархіи, *Наѳанаилъ*, епископъ новомиргородскій, викарій херсонской епархіи и

Василій, епископъ михайловскій, викарій рязанской епархіи—къ ордену *св. Анны первой степени.*

Именными Высочайшими указами, данными св. Правительствующему Синоду, 1-го сего апрѣля, епископы: оренбургскій *Митрофанъ* и кишиневскій *Павелъ* Всемилостивѣйше возведены въ санъ *архіепископа.*

Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ, 1-го сего апрѣля, викарій донской епархіи, епископъ аксайскій *Несторъ* и викарій казанской епархіи, епископъ чебоксарскій *Павелъ*—Всемилостивѣйше сопричислены къ ордену *св. Владиміра 3-й степени.*

Государь Императоръ, въ 13 день января 1879 г., Высочайше соизволилъ на награжденіе протоіерея пензенскаго каѳедральнаго собора, ключаря, *Косьмы Романова* орденомъ *св. Владиміра 3-й степени.*

1-го сего апрѣля, удостоены: ордена *св Владиміра 2-й ст.* Товарищъ Оберъ-Прокурора Св. Синода, тайный совѣтникъ *Смирновъ,—св. Анны 1-й степени* дѣйствительный статскій совѣтникъ, членъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ *Керскій; св. Станислава 1-й ст.* членъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Зинченко.*

Произведенъ изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники* членъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ *Миропольскій.*

ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА:

Отъ 24-го января—20-го февраля 1879 года за № 139, о циркулярѣ, за министра финансовъ, товарища министра казеннымъ палатамъ о порядкѣ продажи церковныхъ восковыхъ свѣчъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: докладъ синодальной

канцеляріи слѣдующаго содержанія: въ 1877 г. г. синодальный Оберъ-Прокуроръ предложилъ сообщенный министромъ внутреннихъ дѣлъ, выработанный въ министерствѣ финансовъ, для руководства казеннымъ палатамъ, проектъ циркулярнаго разъясненія нѣкоторыхъ вопросовъ, возбужденныхъ относительно выдѣлки и продажи церковныхъ свѣчъ. Святѣйшій Синодъ, согласившись съ означеннымъ проектомъ, по опредѣленію 21-го декабря 1877 г.—16-го января 1878 г., предоставили господину Оберъ-Прокурору сообщить министру внутреннихъ дѣлъ, что Святѣйшій Синодъ съ своей стороны не встрѣчаетъ препятствія къ приведенію проектированнаго циркуляра въ дѣйствіе. Засимъ состоялся и самый циркуляръ за министра финансовъ, товарища министра о порядкѣ продажи церковныхъ восковыхъ свѣчъ, и былъ разосланъ казеннымъ палатамъ, отъ 8-го марта 1878 года за № 1,363, для руководства и наставленія торгующихъ. И, по справкѣ, приказали: для объявленія по духовному вѣдомству циркуляра, за министра финансовъ, товарища министра казеннымъ палатамъ, о порядкѣ продажи церковныхъ восковыхъ свѣчъ, напечатать въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ какъ выписку изъ настоящаго опредѣленія, такъ и копію съ упомянутаго циркуляра *).

Отъ 17-го января—20-го февраля 1879 года за № 70, о распространеніи между духовенствомъ изданій священника Константина Голубева.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: между прочимъ, ходатайство содержателя псковской славянской миссіонер-

*) Циркуляръ сей пропечатанъ въ № 10 Епарх. Вѣд. за 1878 г. и распоряженіе по сему дух. консисторіи въ № 22 за тотъ же годъ.

ской типографіи, единовѣрческаго священника Константина Голубева о выпискѣ духовенствомъ епархій, зараженныхъ расколомъ, слѣдующихъ его изданій: а) журнала „Истина", и б) отдѣльныхъ сочиненій: 1) напоминаніе авраамляномъ; 2) замѣчаніе на книгу и листы, изданные въ Яссахъ безпоповцами; 3) вопросы поповцамъ; 4) листы: „о крестномъ знаменіи", о „постѣ", „противу сквернословія"; 5) отвѣты безпоповцамъ; 6) исправленіе церковныхъ книгъ; 7) царскій путь; 8) о перстосложеніи для крестнаго знаменія; 9) соборы 1667, 1666, 1654 гг.; 10) о церкви Божіей, часть 1-я; 11) единовѣріе и раздоръ; 12) великій катехизисъ; 13) сборникъ объ антихристѣ; 14) малый катихизисъ; 15) въ единовѣріи раздоръ; 16) проповѣданіе въ самарской епархіи истины; 17) проповѣданіе истины въ нижегородской епархіи; 18) выписки Озерскова, часть 1-я; 19) книга о вѣрѣ; 20) расколъ въ Петербургѣ. И, по справкѣ, приказали: для объявленія о поименованныхъ изданіяхъ священника Константина Голубева и приглашенія духовенства епархій особенно зараженныхъ расколомъ, къ выпискѣ оныхъ, напечатать въ „Церковномъ Вѣстникѣ".

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Духовенству пензенской епархіи къ свѣдѣнію и руководству.

Духовная консисторія, разрѣшая вопросъ о томъ, какъ должно поступать священникамъ въ томъ случаѣ, если волостными правленіями, въ требованіяхъ о комъ-либо выписи изъ метрикъ необходимыя къ тому свѣдѣнія, указанныя въ 227 ст. II т. и въ прилож. къ 1562 ст. IX т. объ акт. сост., выставятъ „на обумъ", какъ напр. иному лицу 20 лѣтъ отъ роду, тогда какъ ему 15, а другому

15 лѣтъ, тогда какъ ему на самомъ дѣлѣ 20 лѣтъ,—опредѣленіемъ своимъ, состоявшемся 29 ноября/7 декабря 1878 года, съ утвержденія Его Преосвященства, постановила: Предписать священникамъ, дабы они въ тѣхъ случаяхъ, если о какомъ либо лицѣ будетъ требуема справка изъ метрикъ и указанъ въ требованіи годъ рожденія такой, въ коемъ окажется то лицо незаписаннымъ, они дѣлали справку пе менѣе, какъ за три года, а именно: за тотъ годъ на какой указано въ требованіи и въ коемъ, между тѣмъ, не оказалось записи указаннаго въ требованіи лица, и за предыдущій и послѣдующій. Въ томъ же случаѣ, если окажется, что въ которомъ либо изъ этихъ двухъ годовъ будетъ записано поименованное въ требованіи лицо, причтъ долженъ послѣ справки прописать такъ: „При семъ имѣю честь объяснить, что сія справка къ тому-ли лицу относится, о которомъ оная требуется, удостовѣрить причтъ не можетъ, такъ какъ оное оказалось записаннымъ въ метрикѣ за такой-то годъ (выписать самый годъ), а не за тотъ, на который указано въ требованіи". А въ томъ случаѣ, если не окажется записи въ метрикахъ за всѣ три года, написать въ отвѣтѣ своемъ, что, „по справкѣ въ метрикахъ за такіе-то годы (указать тѣ годы) лицо, о коемъ требуется справка поименовать оное лицо), оказалось незаписаннымъ". Такимъ образомъ поступать причту и въ томъ случаѣ, когда въ требованіи волостнаго правленія или другого какого-либо присутственнаго мѣста и должностнаго лица не будетъ указано положительнаго года, а только будетъ объяснено, что указанное въ требованіи лицо имѣетъ отъ роду столько-то лѣтъ (напр. 20, 15 и т. под.) именно сдѣлать справку по метрикахъ предварительно за тотъ годъ, на который падаетъ время рожденія лица, сообразуясь съ указаннымъ въ требованіи числомъ лѣтъ, а затѣмъ, если не окажется запи-

саннымъ въ этомъ году, за предыдущій этому и послѣдующій годы, и отписывать также, какъ сказано выше.

Отношеніе Правленія дух. семинаріи въ дух. консисторію.

Правленіе пензенской духовной семинаріи честь имѣетъ сообщить консисторіи, что послѣ рождественскихъ каникулъ опоздали явкою въ семинарію слѣдующіе ученики—на одинъ день: 1-го класса—Александръ Миловскій, Сергѣй Росницкій, Михаилъ Селезневъ, Иванъ Добросердовъ, Иванъ Симилейскій, Василій Студенскій, Иванъ Тассовъ., II-го класса—Николай Покровскій, Аполлонъ Виноградовъ, Евгеній Тассовъ, Николай Лентовскій, III-го класса—Александръ Цельсовъ, IV-го класса—Иванъ Докучаевъ, Григорій Каурцевъ, Иванъ Крыловъ, V-го класса—Иванъ Тассовъ, VI-го класса—Павелъ Беринговъ; на два дня: I-го класса—Иванъ Конвентовъ, Алексѣй Юнгеровъ, II-го класса—Петръ Покровскій, III-го класса—Петръ Боголюбовъ, Дмитрій Благоразумовъ; на три дня: I-го класса—Иванъ Пикторовъ и на четыре дня: VI-го класса—Иванъ Львовъ.

Сообщая о семъ для взысканія штрафа съ родителей означенныхъ учениковъ, Правленіе семинаріи честь имѣетъ присовокупить, что воспитанники—Александръ Миловскій сынъ священника села Керы, нижнеломовскаго уѣзда, Николая Миловскаго; Сергѣй Росницкій сынъ священника села Никольскаго, городищенскаго уѣзда, Сергѣя Росницкаго; Михаилъ Селезневъ сынъ священника села Безводнаго, петровскаго уѣзда, саратовской губ., Селезнева; Иванъ Добросердовъ сынъ священника села Нижняго Шкафта, городищенскаго уѣзда, Никанора Добросердова; Иванъ Симилейскій сынъ діакона села Посопа, саранскаго уѣзда, Клавдія Симилейскаго; Василій Студенскій сынъ священника села

Чернышева, чембарскаго уѣзда, Григорія Студенскаго; Владиміръ Студенскій сынъ умершаго священника села Покровскаго, чембарскаго уѣзда, Студенскаго, былъ въ отпускѣ у дяди священника того же села Ѳеодора Петрова; Иванъ Тассовъ сынъ священника села Пушкина, саранскаго уѣзда, Петра Тассова; Николай Покровскій сынъ умершаго священника села Ахлебинина, наровчатскаго уѣзда, Іоанна Покровккаго, былъ въ отпускѣ у зятя въ с. Поимѣ, чембарскаго уѣзда, становаго пристава Павла Анориночъ; Аполлонъ Виноградовъ сынъ священника села Колышляя, сердобскаго уѣзда саратовской губ., Тимоѳея Виноградова; Евгеній Тассовъ сынъ умершаго священника села Плужнаго, краснослободскаго уѣзда, Іакова Тассова, былъ въ отпускѣ у дяди священника села Пушкина, саранскаго уѣзда, Петра Тассова; Николай Лентовскій сынъ священника села Сучкина, инсарскаго уѣзда, Петра Лентовскаго; Александръ Цельсовъ сынъ священника села Куликовки, инсарскаго уѣзда, Александра Цельсова; Иванъ Докучаевъ села Бояркина, городищенскаго уѣзда, Андрея Докучаева; Григорій Каурцевъ сынъ умершаго діакона села Малой Ижморы, керенскаго уѣзда, Иларіона Каурцева, былъ въ отпускѣ у брата въ селѣ Матчеркѣ, моршанскаго уѣзда тамбовской губ. волостнаго писаря Якова Каурцева; Иванъ Крыловъ сынъ дьячка села Подлѣсной Тавлы, саранскаго уѣзда, Стефана Крылова; Иванъ Тассовъ сынъ умершаго священника села Плужнаго, красиослоб. уѣзда, Іакова Тассова, былъ въ отпускѣ у дяди священника села Пушкина, сар. уѣзда, Петра Тассова; Павелъ Беринговъ сынъ дьячка села Долгорукова, нижнеломовскаго уѣзда, Берингова; Иванъ Конвентовъ сынъ умершаго дьячка села Ивановской Вирги, нижнеломовскаго уѣзда, Василія Конвентова, былъ въ отпускѣ у матери того же села и уѣзда; Алексѣй Юнгеровъ сынъ умершаго дьячка

села Муромки Александра Юнгерова, былъ въ отпускѣ у дяди своего мѣщанина г. Мокшана Степана Совѣтова; Петръ Покровскій сынъ священника села Каньгушъ, краснослободскаго уѣзда, Андрея Покровскаго, былъ въ отпускѣ у зятя учителя села Индымскаго Майдана инсарскаго уѣзда Алексѣя Боголюбова; Петръ Боголюбовъ сынъ умершаго священника села Михайловки, краснослободскаго уѣзда, Іоанна Боголюбова, былъ въ отпускѣ у брата священника села Селищъ, краснослободскаго же уѣзда, Іоанна Боголюбова; Дмитрій Благоразумовъ сынъ діакона села Русскаго Ишима, городищенскаго уѣзда, Іоанна Благоразумова; Иванъ Пикторовъ сынъ священника села Ускляя, инсарскаго уѣзда, Іоанна Пикторова; Иванъ Львовъ сынъ священника села Андреевки н.-ломовскаго уѣзда, Андрея Львова.

По поводу сего отношенія пензенская дух. консисторія опредѣленіемъ своимъ, отъ 1-го февраля за № 65, постановила: припечатать оное въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, съ тѣмъ, чтобы благочинные, согласно постановленію пензенскаго епархіальнаго начальства, состоявшемуся 3-го ноября 1877 г., взыскали съ родителей и родственниковъ, за каждый просроченный день, съ церковнослужителей по 50 коп., съ діаконовъ 1 р. и священниковъ по 1 р. 50 к. и деньги представили прямо отъ себя въ пензенское епархіальное женское училище.

Отношеніе пензенскаго епархіальнаго женскаго училища въ пензенскую духовную консисторію.

Совѣтъ епарх. женскаго училища, съ утвержденія Его Преосвященства (Журн. 1879 г. № 3, ст. V, п. 3), прилагая при семъ списокъ о. о. благочинныхъ, съ которыхъ не поступилъ въ 1878 г. взносъ на жалованье преподавателямъ

училища по постановленію епархіальнаго съѣзда духовенства 1874 года 24 августа, покорнѣйше проситъ духовную консисторію сдѣлать распоряженіе о побужденіи оныхъ благочинныхъ ко взносу показанныхъ въ спискѣ денегъ.

Списокъ благочинныхъ, съ которыхъ не поступилъ взносъ въ 1878 г. на жалованье преподавателямъ училища по постановленію епархіальнаго съѣзда 1874 года августа 24 дня.

Протоіереи: Львовъ 56 р., П. Масловскій 50 р., Голубевъ 65 р., Юницкій 26 р., Г. Студенскій 45 р., Алмазовъ 60 р., Николаевскій 30 р., Архангельскій 60 р., I. Масловскій 28 р., В. Масловскій 28 р., Артоболевскій 15 р., Ярославскій 15 р., Тепловъ 20 р., Ансеровъ 20 р., Чукаловскій 30 р. Итого 548 руб.

По поводу сего отношенія пензенская духовная консисторія, съ утвержденія Его Преосвященства, опредѣлили: Отношеніе Совѣта пензенскаго епархіальнаго женскаго училища и приложенный при немъ списокъ препроводить въ редакцію Пензенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей для напечатанія, съ тѣмъ чтобы поименованные въ спискѣ благочинные доставили немедленно въ Совѣтъ епархіальнаго женскаго училища требующіяся съ нихъ деньги.

Воскресенію Господню, а) въ 4., съ кинов., цѣна 75 к. (перес. за 1 ф.). 3. б) въ 16 д., съ кинов., цѣна въ печ. об 40 к. (перес. за 1 ф.). 4. Св. Архангелу Михаилу, въ 4 д. съ кин., цѣна 75 коп. (перес. за 1 ф.). 5. Успенію Пресвятыя Богородицы, въ 32 д. съ кин., цѣна 12 к. (перес. за 1 ф.). 6. Святителю Николаю, въ 32 д. съ кин., цѣна 12 коп. (перес. за 1 ф.). 7. Великомученицѣ Варварѣ, въ 32 д., съ кин., цѣна 12 коп. (перес. за 1 ф.). 8. Преподобному Сергію Радонежскому, въ 32 д. съ кин., цѣна 12 коп. перес. за 1 ф.). 9. Св. Варсонофію, Казанскому чудотворцу, въ 4 д., съ кин., цѣна 20 к. (перес. за 1 ф.). 10. Св. Гурію, Казанскому чудотворцу, въ 4 д., съ кин., цѣна 20 к. (перес. за 1 ф.). **Св Евангеліе:** 11. а) въ листъ, съ **кин.,** съ золотымъ по фону украшеніемъ, на картинной **бумагѣ; безъ** пер. 28 р. 85 к. (перес. за 20 ф.). 12. б) **въ листъ,** съ кин., съ черн. украш. на бѣлой бум., въ **перепл.** въ доск. съ золот. обр. 8 р. 20 к. (перес. за 18 ф.), безъ перепл. 7 р. (перес. за 15 ф.). 13. в) въ 8 д., съ кин. и изображ. на бѣл. бум., въ перепл. въ доск. съ золот. обр. 1 р. 40 к. (перес. за 4 ф.), въ бум. 1 р. 5 к. (перес. за 3 ф.). **Евангелія**, чтомыя во св. великій Четвертокъ на Литургіи, на умовеніи и по умовеніи ногъ, и во св. и великій Пятокъ, на утрени и вечерни: 14. а) въ листъ, цѣна 45 к. (перес. за 1 ф.). 15. б) въ 16 д., на вел. бум., цѣна въ коленк. перепл. 75 к., бум. 30 к. (перес. за 1 ф.). 16. в) въ 16 д., на простой бум., цѣна 8 к. (перес. за 1 ф.). 17) г) въ 12 д., гражд. печ., въ перепл. бум. 15 к. (перес. за 1 ф.). 18. **Ирмологъ простой**, въ 4 д. съ кин., цѣна въ пер. кож. 1 р. 55 к. бум. 1 р. 15 к. (перес. за 2 ф.). 19. **Канонникъ:** а) въ 8 д., съ кин., на бѣл. бум., цѣна въ пер. кож. 80 к., бум. 65 к. (перес. за 1 ф.). 20. б) въ 32 д. съ кин., въ шагр., цѣна 1 р. 40 к., въ

глад. саф. 1 р.; (перес. за 1 ф.). 21. **Канонъ великій, твореніе Св. Андрея Критскаго**, расположенный въ порядкѣ чтенія на первой недѣлѣ Великаго поста, въ 16 д., цѣна въ пер. кож. 45 к., кор. 35 к., бум. 20 к. (перес. за 1 ф.). 22. **Канонъ Великій, твореніе Св. Андрея Критскаго**, расположенный въ порядкѣ чтенія на пятой недѣлѣ Великаго поста, въ 16 д., цѣна въ пер. кож. 45 к., кор. 35 к., бум. 20 к. (перес. за 1 ф.). 23. **Менея-четья** въ 12 кн., въ 8 д., на бѣл. бум., цѣна въ перепл. кож. 18 р., кор. 15 (перес. 27 ф.), бум. 12 р. 65 к. (перес. за 23 ф.). 24. **О клятвѣ Московскаго Собора 1667-1668 г.**, въ перепл. бум. 15 к. (перес. за 1 ф.). 25. **Послѣдованіе молебныхъ пѣній**, въ 8 д. безъ кин., цѣна въ пер. кож. 70 к., кор. 65 к. (перес. за 2 ф.), бум. 55 к. (перес. за 1 ф.). 26. **Послѣдованіе (краткое) во святую и великую недѣлю Пасхи и во всю Свѣтлую седмицу**, въ 12 д., съ кинов., цѣна въ пер. кож. 40 к., кор. 30 коп. (перес. за 2 ф.). и бум. 25 к. (перес. за 1 ф.). 27. **Послѣдованіе ко Св. причащенію и по Св. причащеніи**, въ 12 д., цѣна 5 коп. (перес. за 1 ф.). 28. **Правила (книга правилъ) св. Апостолъ, св. Соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ, и св. Отцевъ, съ алфавитомъ**, въ 12 д. съ кинов., цѣна въ пер. кож. 80 коп. кор. 70 к. (перес. за 5 ф.), бум. 60 к. (перес. за 4 ф.). 29 **Прологъ (собраніе житій, страданій и чудотвореній святыхъ)** въ 2-хъ книгахъ въ листъ, цѣна въ перепл. кож. 7 р. 70 к. (перес. за 17 ф.), бум. 6 р. 25 к. и безъ перепл. 6 р. (перес. за 15 ф.).

(Продолженіе будетъ).

ПЕРЕЧНЕВАЯ ВѢДОМОСТЬ

о движеніи дѣлопроизводства по пензенской духовной консисторіи за февраль мѣсяцъ 1879 г.

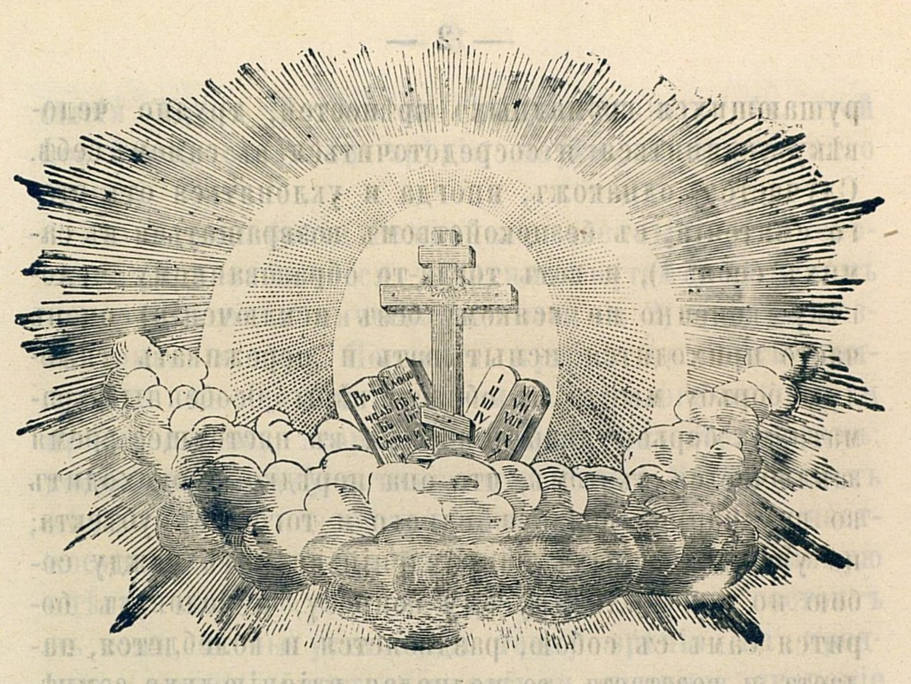
	Оставалось къ 1-му февраля 1879 г.	Изъ нихъ окончено.	Въ февралѣ поступило.	Изъ нихъ окончено.	Осталось къ 1-му марта 1879 года. Дѣлъ предшедшихъ годовъ.	Дѣлъ 1879 года.	Итого.
Распорядительныхъ . . .	58	4	15	3	21	45	66
Хозяйственныхъ	17	—	5	4	13	5	18
Слѣдственныхъ и судныхъ.	35	2	6	2	15	22	37
Итого	110	6	26	9	49	72	121
Въ числѣ неоконченныхъ дѣлъ состоитъ:							
За епархіальн. начальствомъ	—	—	—	—	—		—
„ присутствіемъ консисторіи	—	—	—	—	5	1	6
„ канцеляріею . . .	—	—	—	—	2	4	6
„ подвѣдомыми мѣстами и лицами	—	—	—	—	24	48	72
„ прочими мѣстами и лицами	—	—	—	—	18	19	37

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1879 года было: входящихъ бумагъ 795, журн. статей 124, исходящихъ бумагъ 795, протоколовъ 36 и исходящихъ бумагъ 750.

Редакторы, преподаватели семинаріи: А. Поповъ. Н. Смирновъ.

Дозволено ценз. Пенза, 15 апрѣля 1879 г. Цензоръ, ректъ. сем., прот. С. Масловскій.

Печатано въ Пензенской Губернской Типографіи.

ПЕНЗЕНСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ
15 апрѣля. № 8. 1879 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Истина бытія Божія съ точки зрѣнія внутренняго опыта и науки.

Въ настоящій вѣкъ, характеризующійся, по словамъ одного изъ современныхъ христ. апологетовъ, „кипучею матеріальною дѣятельностію и движеніемъ, въ которыхъ слышится рѣзкій свистъ локомотива, глухой стукъ молота, взрывъ минъ, а также—прибавимъ мы—пальба пудовыми ядрами и грохотъ раз-

рушающихся громадныхъ крѣпостей, трудно человѣку уединиться и сосредоточиться въ самомъ себѣ. Случается, однакожъ, иногда и уклонятьея отъ этого смятенія, съ безпокойствомъ возвращаться въ самихъ себя" *), и вотъ тогда-то образованному человѣку (конечно не всякому безъ исключенія) очень часто приходится испытывать и переживать тяжелую борьбу мысли въ области вѣры. „Особенный драматизмъ борьбы вѣры и разума въ настоящее время заключается въ томъ, что она нерѣдко происходитъ во внутренней области одного и того же субъекта; не ученые разныхъ направленій спорятъ между собою по тому или другому вопросу, а человѣкъ борится самъ съ собою, раздвояется и колеблется, падаетъ и возстаетъ, то подпадая вліянію духа сомнѣнія и невѣрія, то возвращаясь къ духовному миру, водворяемому вѣрою" **). Отсюда одна изъ основныхъ задачей духовной и богословской литературы по отношенію къ образованнымъ вѣрующимъ заключается въ томъ, чтобы помочь ихъ разуму отрѣшиться отъ сомнѣнія въ христіанскихъ истинахъ, а для этого требуется обосновать христіанскія истины данными науки, приблизить и приспособить ихъ къ научному сознанію. И прежде всѣхъ истинъ, въ этомъ нуждается основная христ. истина—истина

---

*) См. сборникъ прот. Заркевича VII, статью о матеріализмѣ, стр. 1.

**) Прав. Обозр. 1878 г. Январь. „Новый способъ доказательства достовѣрности евангельскихъ сказаній на основаніи внутреннихъ признаковъ", стр. 83.

бытія Божія *) Что же можно сказать объ этой послѣдней съ точки зрѣнія науки и внутренняго опыта?

До истины бытія Божія естественный умъ человѣческій возвышается двоякимъ путемъ: 1) путемъ внутренняго психическаго опыта и 2) путемъ разсматриванія міра. Первымъ путемъ человѣкъ приходитъ къ доказательствамъ: онтологическому и нравственному; вторымъ путемъ къ доказательствамъ: космологическому и телеологическому. Мы не имѣемъ цѣлію дѣлать подробный разборъ каждаго въ частности доказательства бытія Божія и сравнительную оцѣнку каждаго изъ нихъ,—наша задача состоитъ въ томъ, чтобы установить точку зрѣнія на предметъ, кратко обнять сущность и научное значеніе всѣхъ естественныхъ доказательствъ бытія Божія.

I.

Самое глубокое и лучшее доказательство бытія Божія—это доказательство, имѣющее основу въ *человѣческомъ духѣ*, или во врожденности въ глубинѣ его стремленія къ Богу. Впрочемъ въ томъ видѣ, въ какомъ обыкновенно поставляется, оно встрѣчаетъ многія возраженія и недоумѣнія. Сущность этого доказательства поставляется, вопервыхъ, во *врожденности* идеи о безконечномъ Существѣ и, вовторыхъ, въ *выводѣ* или заключеніи отъ существованія въ на-

---

*) Въ виду вышесказанной потребности современнаго общества, П. Е. В. будутъ по временамъ посвящать свои страницы трактатамъ и о другихъ основныхъ христ. догматахъ съ точки зрѣнія разума и науки.

шемъ умѣ идеи къ существованію реальнаго предмета, соотвѣтствующаго этой идеѣ.

Въ доказательство первой мысли, т. е. что идея о Богѣ, какъ Существѣ безпредѣльномъ, врождена намъ,—въ доказательство представляютъ то основаніе, что природа окружена предметами видимыми, условными и органиченными, что какъ бы мы ни увеличивали сумму внѣшнихъ конечныхъ предметовъ, въ результатѣ никогда не получимъ идеи о безконечномъ Существѣ, все равно какъ изъ суммы нулей никогда не получимъ единицы. Но на какомъ основаніи дѣлаютъ такое заключеніе? Почему не допустить, что къ безконечному умъ заключаетъ не чрезъ обобщеніе, не отъ частей къ цѣлому, а чрезъ противоположеніе: видя въ природѣ различія и противоположности (контрасты), умъ нашъ, хотя и не видитъ безконечнаго, но по закону контраста заключаетъ отъ видимаго, конечнаго къ невидимому—безконечному, отъ замѣчаемыхъ относительныхъ совершенствъ—къ совершенству безусловному. Въ силу того же закона мы заключаемъ не только положительно, но и дѣлаемъ заключенія отрицательно, напримѣръ отъ бытія къ небытію. Если мы къ послѣднему заключаемъ не чрезъ противоположеніе, то, значитъ, по этой логикѣ идея *небытія* врождена намъ, такъ какъ нигдѣ въ природѣ мы не найдемъ небытія, что, разумѣется, довольно странно.—Правда, на такое возраженіе можно отвѣчать, какъ дѣйствительи отвѣчалъ одинъ изъ мыслителей (Декартъ), что идея о Богѣ есть идея не объ отрицательно--безконечномъ, а о положительно-безконечномъ, но это положительное есть не что иное, какъ свойства человѣ-

ческаго духа, по аналогіи перенесенныя нами на Бога, съ тою только разницею, что предѣлы этихъ свойствъ раздвигаются нами до размѣровъ безконечныхъ. И, въ сущности, наше понятіе о Богѣ есть высшее понятіе объ идеализированномъ человѣческомъ духѣ и притомъ понятіе логическое, а логическія понятія—если смотрѣть съ научной точки зрѣнія—не врождены намъ, а пріобрѣтаются опытомъ.

Отсюда сама собою вытекаетъ ненаучность и того заключенія, которое дѣлается отъ идеи о совершенномъ Существѣ къ реальному бытію Его, какъ это мы видимъ въ доказательствахъ бытія Божія. Идея о Богѣ врождена. Но между многообразными данными въ содержаніи нашего сознанія очень много представленій фиктивныхъ, химерическихъ, т. е такихъ, которымъ не соотвѣтствуютъ реальные предметы. Къ какой же категоріи представленій отнести идею о Богѣ? Критерій Декарта, по которому химерическимъ представленіямъ принадлежитъ случайность и условность, а истиннымъ представленіямъ—необходимость, довольно неопредѣленъ и шатокъ.

Вообще, ненаучность пріемовъ въ доказательствахъ бытія Божія, взятыхъ отъ духа человѣческаго, по нашему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что за основу для заключеній къ бытію Бога берутъ самое логическое понятіе о Существѣ высочайшемъ и его содержаніе, помимо начальнаго и первичнаго его факта*).

---

*) Здѣсь кстати нужно замѣтить, что употребляющійся на богословскомъ и философскомъ языкахъ терминъ: „врож-

Въ основѣ идеи о Богѣ должно лежать, какъ первичный фактъ, это—религіозное *предущущеніе* какого-то инаго высшаго бытія, *стремленіе* къ нему. Это стремленіе и составляетъ сущность религіозности. Не будь въ насъ религіознаго стремленія, мы все-таки составляли бы понятіе о высшемъ абсолютномъ бытіи, но такое понятіе, какъ продуктъ разсудочнаго процесса нашего ума, не отличалось бы отъ всѣхъ другихъ логическихъ обобщенныхъ понятій. Между тѣмъ, идея о Существѣ высшемъ весьма рѣзко отличается отъ послѣднихъ и отличается именно тѣмъ, что она—не простое абстрактное понятіе, но къ ней присоединяется—и это главное—чисто религіозный элементъ, въ силу котораго человѣкъ стремится къ Существу высшему, поставляетъ себя въ извѣстное отношеніе къ Нему, сознаетъ свой долгъ и обязанность по отношенію къ Нему. Въ этомъ-то стремленіи и отношеніи къ Богу, соединяемомъ съ поня-

---

денныя идеи" въ высшей степени неопредѣленный терминъ, подающій поводъ къ разнымъ недоразумѣніямъ и возраженіямъ. Если принимать эти идеи какъ логическія понятія, то нельзя отвергнуть того, что въ основаніи ихъ лежитъ опытъ, съ другой стороны логическимъ понятіямъ, какъ отвлеченнымъ обобщеніямъ конкретныхъ представленій не соотвѣтствуютъ въ природѣ точные реальные предметы. Въ природѣ нѣтъ никакихъ понятій; въ ней, въ противоположность общности нашихъ логическихъ понятій, все индивидуально. Напримѣръ, въ природѣ мы не найдемъ реальнаго предмета, соотвѣтствующаго общему понятію „дерева", а найдемъ только индивидуальные виды предметовъ: липу, сосну, березу и пр.

тіемъ о Богѣ и составляющемъ сущность религіи и состоитъ отличіе идей.—Поэтому при доказательствахъ бытія Божія нужно обращать вниманіе не на идею, или логическое понятіе о Богѣ, а на соединяющееся съ нею религіозное стремленіе къ Богу. Это стремленіе объясняется самымъ строемъ нашей духовной природы.—*И вдуну Богъ въ лице его дыханіе жизни*, говоритъ св. Писаніе относительно природы человѣческаго духа; божественное происхожденіе человѣческаго духа, какъ богоподобнаго—вотъ основаніе присущаго человѣку стремленія къ Божеству: въ силу закона міроваго устройства все въ природѣ стремится къ своему источному началу, потому и духъ человѣческій въ силу того же закона долженъ стремиться къ Богу, какъ своему первообразу.— Такой-то внутренній строй и присущъ духу, прирожденъ,—прирожденъ въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ прирождена намъ потенція нашей духовной природы, которая фактически уже обнаруживается подъ вліяніемъ внѣшней природы. Объяснить такой внутренній строй природы нашего духа мы не можемъ, какъ не можемъ объяснить строенія клѣточки въ организмѣ, строительнаго инстинкта пчелы и т. п.,—во всякомъ случаѣ мы должны признать его врожденнымъ. Правда, этотъ строй, приводящій человѣка къ мысли о Богѣ, развивается подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій видимой природы, но это не даетъ еще намъ права заключать къ отрицанію его врожденности. Заключать такъ—это все тоже, что утверждать, что травка выросла не изъ сѣмени, яблоня не изъ зерна, а яблоки—не изъ яблочнаго дерева и т. п., а все это какимъ-то образомъ яви-

лось отвнѣ. Какъ сѣмя заключаетъ въ себѣ возможность развитія изъ него извѣстнаго растенія, хотя раскрытіе и осуществленіе этой возможности происходитъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій (влаги земли, лучей солнца и т. п.): такъ и въ человѣкѣ, хотя духовная природа его и развивается подъ вліяніемъ внѣшнихъ физическихъ условій нашего организма,—такъ какъ она тѣсно соединена съ нимъ,—тѣмъ не менѣе эта природа нашего духа никакъ не привносится ему извнѣ—ни внѣшнею природою, ни внѣшнимъ опытомъ *). Внѣшнее и можетъ отражаться

*) Извѣстно ходячее и распространенное мнѣніе, по которому происхожденіе идеи Бога объясняется изъ впечатлѣній и созерцанія природы. Доказательствомъ и основою этого мнѣнія служитъ то, что всѣ естественныя религіи имѣютъ характеръ натурализма, т. е. обоготворяютъ предметы и явленія природы. Но противъ такого мнѣнія говоритъ та, неподлежащая никакому сомнѣнію, истина, что ни психологически, ни логически не возможно, чтобы какой бы то ни было предметъ природы въ непосредственномъ возрѣніи на него представлялся не тѣмъ, чѣмъ онъ кажется и чѣмъ является съ перваго же взгляда, а представлялся бы какимъ-нибудь инымъ существомъ. Между тѣмъ, человѣкъ обоготворяетъ предметы и явленія природы, представляющіяся его непосредственному взгляду, не какъ такіе, но подозрѣваетъ въ нихъ дѣйствіе Существа высочайшаго, которое обладаетъ высшею силою; притомъ этому Существу онъ приписываетъ безусловное значеніе. Отсюда всѣ, такъназываемыя, естественныя религіи не потому боготворятъ силы природы, что сознаютъ ихъ неотразимое на себя влія-

и влiять только на внѣшнюю форму и внѣшнее выраженiе духовной природы (мысли, чувства и пр.), а не на самое существо ея.

Итакъ, нашей душѣ, въ силу ея особеннаго духовнаго строя, присуще и врождено только стремленiе къ Божеству. Такое стремленiе первоначально открывается непосредственному внутреннему *чувству* въ видѣ смутнаго и неяснаго ощущенiя иного высшаго бытiя; затѣмъ уже это ощущенiе переходитъ въ область *ума*, гдѣ подпадаетъ логическимъ его операцiямъ и проявляется въ немъ какъ понятiе—идея. Но эта идея, въ существѣ одинаковая, проявляется различно въ разныхъ людяхъ и понимается различно, что зависитъ отъ той или другой степени развитiя духовной силы.

Изъ сказаннаго хода первоначальнаго обнаруженiя и постепеннаго раскрытiя и проявленiя въ человѣкѣ духовнаго стремленiя къ Богу слѣдуетъ, что оно (стремленiе) врождено намъ. Впрочемъ, въ этомъ еще не заключается вся сила доказательства истины бытiя Божiя. Главное дѣло заключается въ томъ,

---

нiе и дѣйствiе, но имѣютъ своимъ исходнымъ началомъ, вопервыхъ, духовный инстинктъ, или стремленiе духа человѣческаго къ высшему Существу, какъ къ идеалу, который затѣмъ олицетворяется въ извѣстномъ видимомъ предметѣ; вовторыхъ, онѣ вышли изъ представленiя, хотя темнаго и неопредѣленнаго, изъ представленiя неизвѣстной, дѣйствующей сзади явленiй, божественной *силы;* различныя же естественныя явленiя служатъ только воплощенiемъ этой силы, отъ которой человѣкъ чувствуетъ себя зависимымъ, какъ отъ власти безусловной и предъ которой онъ благоговѣетъ.

соотвѣтствуетъ ли этой присущей нашему духу идеѣ (понимаемой въ смыслѣ стремленія) объектъ, и какимъ именно образомъ?

Всматриваясь въ природу, мы замѣчаемъ въ ней удивительную цѣлесообразность, состоящую въ соотвѣтствіи между предметами и взаимномъ соотношеніи ихъ. Напримѣръ, въ нашемъ организмѣ есть инстинктъ голода и жажды, иначе сказать: нашъ организмъ имѣетъ нужду или потребность въ питаніи; замѣтимъ, что такая потребность потому и существуетъ въ организмѣ, что ему соотвѣтствуетъ во внѣшней природѣ питательные элементы, въ которыхъ организмъ нуждается и изъ которыхъ онъ самъ состоитъ. Тоже самое имѣетъ мѣсто и въ духовной природѣ человѣка. И здѣсь—въ области духа—должна существовать такая же цѣлесообразность, какая замѣчается нами и въ чувственной природѣ. Это—цѣлесообразность дѣйствій пресмыкающагося, которое стремится укрыть и укрываетъ своимъ тѣломъ яйцо свое, хотя само оно ничего не знаетъ о значеніи теплоты для развитія зародыша,—это цѣлесообразность порхающей въ воздухѣ птички, которая, сама не зная куда и зачѣмъ, стремится осенью въ теплую страну; или лучше: это цѣлесообразность дѣйствій младенца, когда онъ своими рученками стремится отыскать и отыскиваетъ грудь матери, хотя и не имѣетъ никакого представленія ни о груди, ни о рукахъ. Словомъ, это—инстинктъ. Тоже самое и въ области духовной. Взгляните, напримѣръ, на самаго грубаго дикаря. Вотъ онъ съ поднятыми руками стоитъ предъ какимъ-нибудь чурбаномъ и изливаетъ предъ нимъ свои молитвенныя чувства. Не

спрашивайте его, зачѣмъ это онъ дѣлаетъ? Его побуждаетъ къ тому духовная природа,—это его долгъ и обязанность. Не созерцаніе явленій природы заставило его обратиться съ воздѣтыми руками къ своему фетишу,—нѣтъ, къ этому побудилъ его присущій ему религіозный инстинктъ, который подъ вліяніемъ видимой природы только уясняется или, выражаясь точнѣе, получаетъ опредѣленное для себя воплощеніе, воплощеніе въ какомъ-либо видимомъ предметѣ *). Безъ Бога человѣкъ немыслимъ,

*) Противъ этого, т. е. что идея о Богѣ присуща человѣчеству, какъ основывающаяся на самой природѣ человѣческаго духа, могутъ служить возраженіями примѣры а) нѣкоторыхъ изъ древнихъ народовъ, называемыхъ безбожными, а также примѣры современныхъ народовъ дикихъ, у которыхъ, по отзывамъ путешественниковъ, не замѣтно этой идеи, и б) примѣры единичныхъ образованныхъ субъектовъ, отрицающихъ бытіе Божіе. Относительно первыхъ нужно сказать, что они называются безбожными въ смыслѣ относительномъ, какъ не признающіе истинной и общепринятой религіи. Дикіе же народы представляются путешественникамъ безрелигіозными, большею частію, потому, что идея о Богѣ не выражается у нихъ сознательно и что вообще религія ихъ не имѣетъ вполнѣ развитыхъ внѣшнихъ обнаруженій и формъ богопочтенія, или же, хотя и имѣетъ эти послѣднія, но не въ такомъ видѣ, въ какомъ путешественники привыкли ихъ видѣть; ошибка здѣсь въ томъ, что путешественники хотятъ измѣрять проявленія религіи масштабомъ христіанской религіи. Притомъ идея о Богѣ для своего сознательнаго проявленія требуетъ извѣстной степени развитія, все равно какъ требуетъ этого и самое созна-

какъ безъ души. Можно отрицать бытіе души, но она не перестанетъ проявлять себя въ разумно-нравственныхъ дѣйствіяхъ: точно также можно отрицать бытіе Божіе, тѣмъ не менѣе религіозный инстинктъ въ такой или иной формѣ будетъ проявлять себя.

Такимъ образомъ, основываясь на непосредственномъ свидѣтельствѣ нашей внутренней духовной природы, необходимо придти къ убѣжденію въ томъ, что существуетъ Богъ *). Въ нашей душѣ существуетъ

ніе. Но изъ того, что младенцы не имѣютъ самосознанія, не слѣдуетъ еще, что оно не свойственно человѣку: такъ точно изъ того, что нѣкоторые дикари не умѣютъ выражать своей религіозности въ извѣстномъ культѣ и не умѣютъ высказать сознательно идеи о Богѣ, не слѣдуетъ, что эта послѣдняя не принадлежитъ дикарямъ. Относительно единичныхъ людей—атеистовъ, принадлежащихъ къ образованному обществу, нужно сказать, что ихъ отрицаніе бытія Божія—только кажущееся, оно основывается не на внутреннемъ убѣжденіи, но условливается или вліяніемъ какой-либо страсти, или пустымъ желаніемъ показать себя предъ другими; при наступленіи, такъ-называемыхъ, критическихъ обстоятельствъ жизни оно пропадаетъ: нынѣшній безбожникъ завтра дѣлается истинно вѣрующимъ христіаниномъ. Атеисты не рождаются, а воспитываются; значитъ, атеизмъ есть слѣдствіе превратнаго воспитанія, извратившаго въ человѣкѣ религіозный инстинктъ, а извращеніе послѣдняго возможно, какъ и вообще всегда и вездѣ возможны извращенія и уклоненія отъ нормы, не уничтожающія самой нормы.

*) Но, говорятъ, внутреннее свидѣтельство нашей природы можетъ быть и ложнымъ. Въ доказательство этой мысли

религіозный инстинктъ, или религіозное стремленіе, слѣдовательно долженъ существовать и фактически существуетъ соотвѣтствующій ему объектъ. Иначе, какъ же объяснить фактъ существованія въ духѣ стремленія къ этому объекту? Вѣдь никакое инстинктивное стремленіе въ природѣ не бываетъ безъ того, чтобы ему не было соотвѣтствующаго предмета, который могъ бы удовлетворить ему, т. е. стремленію.

Могутъ сказать, что этому религіозному стремленію—какъ и всѣмъ другимъ естественнымъ стремле-

указываютъ на то, что сознаніе часто насъ обманываетъ. Говорилъ же Гегель, что все, что существуетъ въ идеѣ, существуетъ и въ объектѣ. Противъ такого абсурда ему возражали, что ужели, мыслимый бѣднякомъ въ идеѣ, капиталъ существуетъ для него и въ дѣйствительности?.. Не приложимы ли и здѣсь подобныя возраженія? Нисколько. Главное недоразумѣніе здѣсь состоитъ въ томъ, что при такомъ возраженіи смѣшиваютъ непосредственное свидѣтельство нашей духовной природы съ познаніемъ, и отъ ошибочности послѣдняго заключаютъ къ ошибочности перваго, или иначе—возражающіе такимъ образомъ не дѣлаютъ различія между *непосредственнымъ свидѣтельствомъ* нашей духовной природы, напр. свидѣтельствомъ о томъ, что мы мыслимъ, существуемъ, что въ насъ есть религіозное стремленіе къ сверхчувственному и т. п., и *познаніемъ*. Въ познаніи духъ нашъ, сознавая свое бытіе, проявляетъ свою дѣятельность по отношенію къ предметамъ и явленіямъ опыта. Такого рода познаніе и сознаніе, какъ показываетъ опытъ, могутъ быть иногда и обманчивы отъ несоблюденія нужныхъ для того условій. Но когда нашъ духъ сознаетъ себя самого, сознаетъ свои потребности и, вообще, свою природу въ своемъ непосредственномъ бытіи, безъ отноше

ніямъ—соотвѣтствуетъ объектъ въ самой же естественной видимой природѣ. Но противъ этого говоритъ та значительная разница религіознаго стремленія отъ всякихъ другихъ стремленій, какую мы замѣчаемъ въ немъ при глубокомъ проникновеніи въ анализъ его. Отличительная и характеристическая черта религіознаго стремленія состоитъ въ томъ, что человѣкъ не довольствуется только этою видимою природою, а ощущаетъ нѣчто иное идеальное, что стоитъ выше ея. Положимъ, что дикарь, стоящій даже на самой низшей ступени развитія, обожаетъ какой-либо вещественный предметъ (фетишъ); но дѣло въ томъ, что онъ все-таки обожаетъ этотъ предметъ не какъ именно такой, а придаетъ ему особенное значеніе.—Очевидно, здѣсь высказывается какое-то внутреннее побужденіе искать въ

нія къ другимъ предметамъ познанія, то такое проявленіе его называется непосредственнымъ свидѣтельствомъ духовной природы, духовнымъ инстинктомъ. Сомнѣваться въ достовѣрности такого свидѣтельства въ этомъ отношеніи значило бы предполагать, что насъ обманываетъ сама наша природа (на что, думаемъ, не согласятся самые отчаянные скептики). Поэтому, основываясь на внушеніи и голосѣ непосредственнаго признанія, истина бытія Божія чрезъ то самое есть положительный и самый убѣдительный фактъ, не требующій иныхъ доказательствъ; потому что непосредственная увѣренность не только не нуждается ни въ какомъ доказательствѣ, но совершенно исключаетъ доказательства. Убѣжденія, пріобрѣтаемыя чрезъ посредство доказательствъ, имѣютъ уже меньшую второстепенную степень вѣроятности и истинности...

предметахъ природы что-то высшее, владычествующее надъ міромъ.—Отсюда, духовно-религіозный инстинктъ не нужно смѣшивать съ инстинктомъ физическимъ: послѣдній, какъ направленный къ видимой природѣ, и находитъ въ ней свое полное удовлетвореніе. Но инстинктъ религіозный, какъ направленный къ высшему, сверхчувственному міру, уже не находитъ себѣ соотвѣтственнаго удовлетворенія въ видимой природѣ,—онъ можетъ найдти его только въ мірѣ сверхчувственномъ. Иначе, какъ же объяснить недовольство человѣка видимою природою и стремленіе его къ чему-то такому, что стоитъ внѣ и выше природы? Отсюда соотвѣтствующимъ объектомъ религіознаго инстинкта и ощущенія должно быть высшее сверхчувственное бытіе, а никакъ не видимая природа.

Е. Успенскій.

(Продолженіе будетъ).

ДУХОВНЫЕ ЖУРНАЛЫ.

„*Православное Обозрѣніе*". Январь и февраль. „*Изъ чтеній по философіи религіи: 1) Первобытная религія*", **В. Кудрявцева—Платонова**. По своему содержанію статья эта находится во внутренней связи съ помѣщеннымъ на страницахъ „Прав. Обозр." изслѣдованіемъ того же автора: „Религія, ея сущность и происхожденіе"; въ настоящей статьѣ дается подтвержденіе и разъясненіе тѣхъ положеній о сущности религіи, которыя въ указанномъ изслѣдованіи являлись результатомъ критическаго разбора философскихъ понятій о религіи. Различіе воззрѣній на сущность религіи необходимо отражается и въ опре-

дѣленіи характера первобытной религіи. Если религія есть только исключительное произведеніе познавательныхъ силъ человѣка, только естественное обнаруженіе дѣятельности умозаключающаго разсудка, то, очевидно, она въ своемъ развитіи должна подчиняться закону развитія познавательныхъ и другихъ силъ человѣческаго духа,—закону восхожденія отъ несовершеннаго состоянія къ совершенному. Самая несовершенная форма религіознаго сознанія есть политеистическая,—слѣдовательно политеизмъ долженъ быть первоначальною формою религіи человѣка. Задача философіи, при такомъ взглядѣ на первобытную религію,—опредѣлить и выяснить какимъ образомъ изъ этой первоначальной формы возникли дальнѣйшія формы, какъ явился монотеизмъ—эта наиболѣе совершенная форма религіи. Если же религія по самому существу своему предполагаетъ дѣятельное, живое участіе самаго высочайшаго объекта религіи—Бога и Его таинственное вліяніе на духъ человѣка, то мы должны придти къ иному воззрѣнію на первобытную религію. Эта религія должна быть чистымъ и живымъ отраженіемъ въ умѣ человѣка религіознаго объекта, *единаго* и совершеннаго—Бога; значитъ, первобытная религія должна быть монотеизмомъ. При такомъ взглядѣ на первобытную религію задачей философіи религіи должно быть рѣшеніе вопроса: какимъ образомъ человѣкъ отъ этой совершенной формы религіи перешелъ къ менѣе совершеннымъ формамъ и затѣмъ снова пришелъ къ теоретическому признанію истины первоначальной формы—монотеизма. Критическій разборъ доводовъ въ пользу той и дру-

гой теоріи составляетъ ближайшую задачу настоящаго изслѣдованія автора.

Представителемъ взгляда на первоначальную форму религіи, какъ политеизмъ, авторъ называетъ Юма. Этотъ философъ аргументируетъ въ пользу своей теоріи такъ: неоспоримая истина, что лѣтъ за 1700 до Р. Хр. мы находимъ всѣ народы идолопоклонниками; чѣмъ древнѣе народъ, тѣмъ болѣе онъ погруженъ въ многобожіе.... Если же такъ, то можемъ ли мы думать, что во времена болѣе отдаленныя, прежде изобрѣтенія наукъ и искусствъ, могла существовать болѣе совершенная религія—монотеизмъ? Думать такъ—значитъ утверждать, что люди открыли истину, когда были невѣжественными и варварами, а когда начали образовываться вдругъ утратили эту истину; думать такъ такъ же странно, какъ и утверждать, что будто люди жили въ каменныхъ дворцахъ прежде, чѣмъ въ натуральныхъ пещерахъ, тростниковыхъ хижинахъ. Основной законъ жизни и исторіи, законъ постепеннаго развитія, восхожденія отъ низшаго къ высшему простирается и на область религіи. Только разсудокъ подкупленный какими-либо эгоистическими интересами, или руководимый фантазіей, можетъ оспаривать этотъ законъ и утверждать въ данномъ случаѣ, что человѣкъ сразу сталъ на почвѣ чистаго монотеизма.—Излагая затѣмъ взгляды на первобытную религію Гегеля, Фейрбаха и Конта, которые въ существѣ дѣла только варьируютъ высказанное Юмомъ, авторъ находитъ, что всѣ названные защитники мысли о крайнемъ несовершенствѣ первобытной религіи главными основаніями для этой мысли считаютъ; а) историческія

данныя; б) необходимый законъ развитія человѣка отъ несовершеннаго состоянія къ совершенному; признаніе единобожія первоначальною религіею было бы противорѣчіемъ и этимъ даннымъ и этому закону. Но такъ ли прочны эти основанія, какъ представляется это на первый взглядъ?—Прежде всего историческія свидѣтельства могли бы имѣть рѣшающее значеніе въ вопросѣ о формѣ первобытной религіи, если бы эти свидѣтельства давали достовѣрныя показанія о временахъ *первобытныхъ*, объ эпохѣ самаго *возникновенія религіи.* Но къ несчастію такихъ свидѣтельствъ для разсматриваемой гипотезы нѣтъ; сохранившіяся до нашего времени письменныя или археологическія свидѣтельства могутъ говорить только о политеизмѣ, господствовавшемъ въ ту эпоху, къ которой они принадлежатъ, или—во времена къ ней ближайшія. Но за этою эпохою можетъ лежать цѣлая эпоха доисторической жизни; существованіе рода человѣческаго, а съ нимъ и религіи, далеко выходитъ за день рожденія исторіи и письменныхъ памятниковъ, такъ что, если и дѣйствительно въ эпоху историческихъ свидѣтельствъ всѣ народы были преданы политеизму, то и отсюда нельзя еще рѣшительно приписать политеизмъ, какъ господствующую форму религіи, и временамъ доисторическимъ. Далѣе, а) процессъ развитія политеистическихъ религій представляется намъ какъ постепенное осложненіе вѣрованій, какъ постепенное возрастаніе и умноженіе числа боговъ, а съ ними и миѳическихъ сказаній о нихъ. Это осложненіе происходило двумя путями: внѣшнимъ—посредствомъ заимствованія культовъ и боговъ отъ иноземныхъ

народовъ, и внутреннимъ—когда, въ силу коренной фальши язычества, ничѣмъ даннымъ неудовлетворяющееся сознаніе язычника постоянно вызывало новыхъ и новыхъ боговъ, причемъ старые боги, въ въ силу традиціи, оставались въ религіи, хотя и удалялись въ религіозномъ сознаніи на задній планъ, уступая мѣсто новымъ богамъ. Такой характеръ развитія полетеизма несомнѣнно ведетъ къ тому заключенію, что религіозное сознаніе здѣсь шло отъ болѣе простого къ болѣе сложному и разнообразному, а не наоборотъ, не изъ полетеизма выработался монотеизмъ, чрезъ сокращеніе числа боговъ, но наоборотъ, незначительное въ началѣ число боговъ размножалось больше и больше. б) Общій голосъ религіознаго преданія, выражающійся въ сказаніяхъ о золотомъ вѣкѣ, тотъ, что въ древности люди были ближе къ Божеству, чѣмъ въ послѣдствіи и что религіозныя понятія были тогда чище и возвышеннѣе. Та же мысль о чистотѣ и возвышенности первоначальныхъ вѣрованій проводится очень часто у древнихъ историковъ и философовъ; послѣдніе ясно проводятъ мысль, что политеизмъ есть явленіе сравнительно позднѣйшее, и что въ болѣе глубокой древности существовали болѣе возвышенныя представленія о Божествѣ. в) Въ болѣе организованныхъ политеистическихъ религіяхъ изслѣдованіе ихъ открываетъ такія понятія и представленія о Божествѣ, которыя находятся въ полной дисгармоніи съ общимъ строемъ религіозныхъ вѣрованій и могутъ быть объясняемы только какъ остатки древнѣйшихъ болѣе совершенныхъ вѣрованій. Свидѣтельства безпристрастныхъ путешественниковъ указываютъ на несомнѣн-

ное присутствіе у многихъ дикихъ племенъ монотеистическихъ представленій, которыя находятся еще въ большей дисгармоніи съ кругомъ ихъ обыкновенныхъ вѣрованій, чѣмъ подобнаго-же рода представленія въ религіозныхъ памятникахъ древнихъ народовъ. Кромѣ того, у племенъ дикихъ вообще не много боговъ и миѳологія ихъ скудна; число ихъ боговъ рѣдко доходитъ до пяти, шести, а иногда остается только представленіе объ одномъ верховномъ существѣ, какъ, наприм., у туземцевъ Америки—представленіе о великомъ Духѣ. Очевидно, политеизмъ не есть необходимое проявленіе первоначальной грубости и неразвитости человѣка, и у дикихъ народовъ встрѣчаются проблески идеи о единомъ верховномъ Божествѣ.

Если сохранившіяся историческія данныя и аналогіи даютъ по крайней мѣрѣ *возможность* признавать существованіе монотеизма во времена глубокой древности, то дѣйствительно-ли коренной законъ развитія человѣческаго духа—восхожденіе отъ несовершеннаго къ болѣе совершенному—представляетъ непреодолимое затрудненіе къ признанію монотеизма первоначальнымъ религіознымъ вѣрованіемъ человѣка? Противъ общей истины этого закона нельзя спорить. Но дѣйствительно-ли прогрессъ человѣчества состоитъ въ безусловномъ и строго послѣдовательномъ восхожденіи отъ несовершенства къ совершенству? Не допускаетъ ли онъ нѣкоторыхъ исключеній, ограниченій, остановокъ, причемъ цѣль прогрессивнаго движенія хотя и достигается, но путемъ окольнымъ, допускающимъ временныя уклоненія и остановки? Въ природѣ мы часто видимъ,

что органическая жизнь извѣстнаго существа, вслѣдствіе неблагопріятныхъ внѣшнихъ вліяній или причинъ внутреннихъ, останавливается въ своемъ развитіи, растеніе сохнетъ, не даетъ плода. Въ животномъ мірѣ такъ много аномалій, уродствъ и случаевъ болѣзненнаго развитія; въ мірѣ человѣка часто повторяется явленіе, что богатые задатки дарованій и нравственныхъ силъ въ дѣтствѣ глохнутъ потомъ, исчезаютъ безслѣдно, или получаютъ превратное и гибельное направленіе: выходитъ (употребляя примѣръ Юма)—что бываютъ случаи, когда человѣкъ принужденъ бываетъ и изъ дворца переходить въ хижину и жить только воспоминаніями о дворцѣ. Обобщая подобныя аналогіи изъ жизни органической и психической, мы можемъ заключать и къ жизни цѣлаго народа; исторія дѣйствительно указываетъ случаи не только ненормальнаго болѣзненнаго развитія народовъ, но и утраты лучшаго прежняго, доблестей предковъ, учрежденій, которымъ не суждено развиться, изобрѣтеній, которыя забыты, просвѣщенія, которое смѣнилось варварствомъ. Говорятъ, что еслибы первоначальныя религіозныя понятія были совершенны, то они никакъ не могли бы быть утрачены или забыты и—что предполагаемая утрата ихъ уже показываетъ ихъ несовершенство. Но здѣсь дѣло въ невѣрномъ понятіи о религіи вообще, о первоначальномъ монотеизмѣ въ частности. Религію понимаютъ вообще—какъ сумму извѣстнаго рода теоретическихъ истинъ, а монотеизмъ—какъ опредѣленное теоретически развитое *понятіе* о Богѣ. Сопоставляя единобожіе съ многобожіемъ въ этомъ случаѣ берутъ идею о единомъ Богѣ въ той формѣ, въ ка-

кой она является намъ въ позднѣйшія времена, какъ она раскрыта путемъ отвлеченнаго мышленія; тогда какъ при тожествѣ содержанія идеи о единомъ Богѣ во времена первобытныя и послѣдующія, мы необходимо должны признать различіе въ субъективной формѣ этой идеи,—различіе условливаемое особенностями умственнаго и нравственнаго состоянія человѣка въ различные періоды его историческаго существованія.

Критическій разборъ перваго взгляда на первобытную религію—политеизмъ есть первоначальная форма религіи—привелъ къ тому заключенію, что существованіе монотеизма въ первобытныя времена не только возможно, но и *вѣроятно;* эта вѣроятность находитъ полное подтвержденіе и оправданіе въ истинномъ понятіи о сущности и происхожденіи религіи. Религія, какъ показываетъ самое названіе ея, есть союзъ или взаимоотношеніе между Богомъ и человѣкомъ; отсюда при опредѣленіи первоначальной формы религіи нужно имѣть въ виду двухъ агентовъ религіи: Бога и человѣка,—дѣйствіе Божества на нашъ духъ и способъ усвоенія этого дѣйствія со стороны человѣка. Но къ сожалѣнію первый элементъ въ религіи—дѣйствіе Божества на нашъ духъ—устраняется въ изслѣдованіяхъ о первобытной религіи. Идея о Богѣ зараждается въ душѣ человѣка не многотруднымъ путемъ отвлеченнаго мышленія, но есть плодъ живаго и дѣйствительнаго вліянія Бога на нашъ духъ. Богъ есть существо живое, личное и потому находящееся въ живомъ и дѣйствительномъ отношеніи къ своему творенію. Это отношеніе должно быть изначальнымъ, такъ какъ и

первобытный человѣкъ, не смотря на незначительность его культурнаго развитія, владѣлъ тѣми-же свойствами духовной природы, какъ и настоящія поколѣнія. Такимъ образомъ, съ самаго момента появленія человѣка на землѣ мы должны допустить дѣйствіе Божества на его духъ, и это дѣйствіе должно было произвести въ его умѣ идею о Богѣ, идею истинную, монотеистическую. Но какую опредѣленную форму должно было принять содержаніе этой идеи? Въ чемъ особенность и отличіе первоначальнаго монотеизма отъ позднѣйшихъ представленій о единомъ Богѣ? Для отвѣта на этотъ вопросъ мы должны обратить вниманіе на другой элементъ религіи,—субъективный, на самый способъ усвоенія религіозной идеи человѣкомъ. Человѣческій духъ въ религіозномъ отношеніи не есть чистая таблица эмпириковъ, онъ есть живая, самодѣятельная сила, свободно воспринимающая и преобразующая полученныя отвнѣ впечатлѣнія по законамъ и формамъ своего познанія. Обращая вниманіе на отношеніе нашей познавательной способности къ предметамъ познанія, мы встрѣчаемъ двѣ основныя формы познавательной дѣятельности: *представленіе* и *понятіе*. Представленіе и въ психическомъ, и въ гносеологическомъ и въ историческомъ преемствѣ должно предшествовать понятію: отсюда—первоначальныя вѣрованія не могли быть *понятіями* о сверхчувственномъ въ точномъ смыслѣ слова; первоначальный монотеизмъ поэтому можетъ быть не понятіемъ, а только *представленіемъ* о единомъ Богѣ. Какого же рода было это первоначальное религіозное представленіе, какой чувственный образъ служитъ для выраженія

идеи о единомъ Богѣ? На этотъ вопросъ отвѣчать труднѣе и самый отвѣтъ можетъ имѣть только гипотетическое значеніе. Принимая во вниманіе двѣ особенности жизни первобытнаго человѣка—дѣтское состояніе его умственныхъ и нравственныхъ силъ и особенную доступность живому дѣйствію Божества на его духъ—мы можемъ предположить, что первоначальная религіозная идея была конкретнымъ представленіемъ, что человѣкъ единаго Бога долженъ былъ представлять въ образѣ кого либо единичнаго объекта. Далѣе, особенность представленій на извѣстной дѣтской ступени развитія, какъ показываетъ наблюденіе надъ дѣтскимъ возрастомъ человѣка, состоитъ въ томъ, что человѣкъ здѣсь судитъ и мыслитъ о внѣшнихъ предметахъ по аналогіи съ своими собственными психическими состояніями, такъ или иначе олицетворяетъ, антропоморфизируетъ ихъ: дитя бьетъ камень, о который ударилось, предполагая въ немъ волю и желаніе причинить ему вредъ, разговариваетъ съ куклою, животнымъ и т. д. Отсюда, представленіе первобытнаго человѣка о Божествѣ было антропоморфизмомъ, представленіемъ Бога въ чувственно-человѣческомъ образѣ. Наконецъ, по качеству своему представленія дѣтскаго возраста отличаются высшею степенью силы и интенсивности, человѣкъ въ это время бываетъ болѣе пассивнымъ, чѣмъ активнымъ, въ высшей степени впечатлительнымъ и потому особенно способнымъ къ воспріятію и живому ощущенію воздѣйствій отъ—внѣ. Религіозное представленіе первобытнаго человѣка должно было имѣть такую силу и интенсивность, какой не могли имѣть послѣдующія представленія, отчасти

потому, что съ умственнымъ развитіемъ человѣка мало по малу утрачивалась дѣтская живость и впечатлительность, а главнымъ образомъ потому, что вслѣдствіе уклоненія человѣка отъ пути истинно-религіозной жизни въ немъ ослабѣло ощущеніе дѣйствія на его духъ высочайшаго Существа. Отличительный признакъ въ высшей степени живаго и сильнаго возбужденнаго состоянія представительной способности человѣка мы обыкновенно характеризуемъ такъ: я представляю, говоримъ мы, этотъ предметъ,— этого человѣка, напримѣръ, такъ ясно, какъ будто онъ *стоитъ предо мною* живой. Отсюда мы имѣемъ право предпологать, что религіозное представленіе первобытнаго человѣка, достигая высшей степени силы и энергіи, было не простымъ представленіемъ, но *видѣніемъ* представляемаго объекта Дѣйствительно во всѣхъ почти религіяхъ въ высшей степени живое религіозное представленіе является въ формѣ видѣнія, созерцанія. Священный бытописатель изображаетъ намъ перваго человѣка не только обладающимъ идеею *единаго* Бога, но указываетъ и форму этой идеи; эта форма не отвлеченнаго понятія, а представленія, и притомъ конкретнаго, антропоморфическаго, доходящаго до степени видѣнія (Быт. 3, 4. 8, 9).

„*Нѣсколько словъ о современномъ состояніи протестанства*". Свящ. М. М. *Воздвиженскаго.*—Протестантству ставятъ въ великую заслугу то, что при своемъ появленіи оно послужило къ оживленію религіознаго чувства, къ возрожденію и освѣженію духовной жизни людей, принявшихъ его. Не менѣе важную услугу, говорятъ, оказало протестантство для

самаго существа *церкви*,* возвративши ее къ древнимъ истинамъ евангельскимъ и апостольскимъ, къ обычаямъ и учрежденіямъ времени собственно апостольскаго, и освободивши ее отъ всѣхъ наслоеній, установленій и учрежденій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ временамъ позднѣйшимъ. Наконецъ, самымъ „драгоцѣннымъ даромъ", который принесло протестантство для человѣчества, считаютъ завоеванное имъ право каждой человѣческой личности пользоваться свободою мысли, свободою изслѣдованія. Искренность, теплота, глубина религіознаго чувства, отличавшія первобытныя протестантскія общины, показывали, что протестантизмъ вѣрно угадалъ истинныя потребности человѣческой души и поэтому онъ можетъ считаться зданіемъ, построеннымъ на прочномъ и глубокомъ фундаментѣ. Такъ казалось въ первыя времена протестантскаго движенія. Но когда протестантское движеніе умовъ вошло въ свою колею, когда пылъ увлеченія остылъ, тогда для многихъ стало ясно, что печать смерти лежала на челѣ протестантизма при самомъ его началѣ, что онъ уже тогда носилъ въ себѣ зародыши того разложенія, въ дѣйствительности котораго не сомнѣваются многіе изъ самихъ протестантовъ. Нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что Лютеръ и Кальвинъ, вставъ изъ могилы, пришли бы въ ужасъ при видѣ того, что логически развилось изъ сѣмянъ, брошенныхъ ими, отреклись бы отъ того, что показали бы имъ какъ дѣло ихъ рукъ. Вся ошибка протестантства состояла въ томъ, что правильному и благоразумному пользованію новыми идеями и здравому развитію ихъ не указано было нормы. Ударъ, направленный въ сердцѣ

католицизма и романтизма, былъ недостаточно сообраѫенъ, былъ безъ нужды напряженъ и силенъ; вслѣдствіе того, по естественнымъ законамъ, онъ возвратился къ ударившему и сшибъ съ ногъ его самого.

Колыбель протастантизма—Германія стала колыбелью современныхъ недоброкачественныхъ направленій ума, серца и воли: невѣріе пессемизма и соціализма. Этого нельзя объяснить простою случайностію, однимъ только совпаденіемъ явленій, якобы неимѣющихъ внутренняго сродства; напротивъ, всѣ онѣ суть плоть отъ плоти, кость отъ костей протестантизма. Въ средѣ самихъ протестантовъ идетъ внутреняя борьба; протестантизмъ раздѣляется на многія школы, которыя въ своихъ догматическихъ воззрѣніяхъ расходятся на весьма далекое разстояніе другъ отъ друга, доходятъ до противоположности. Изъ этихъ партій болѣе выдаются слѣдующія: партія *ортодоксовъ*, она строго держится вѣроопредѣленій старолютеранской догматики XVI и XVII столѣтія и символическія книги лютеранства считаетъ вполнѣ достаточнымъ выраженіемъ христіанскихъ истинъ. Другую, противоположную первой, партію составляютъ такъ-называемые *либеральные теологи*. Они признаютъ независимость рилигіознаго содержанія отъ какой-либо опредѣленной догматической формы, независимость ума отъ какихъ-либо вѣроопредѣленій и символовъ. Всякій догматъ, по ихъ мнѣнію, подобно одушевленному организму, живетъ въ непрерывномъ обмѣнѣ жизненныхъ веществъ, вслѣдствіе постоянныхъ процессовъ развивается и испытываетъ метаформозы, сохраняясь только въ

своей глубокой субстанціи. Средину между этими двумя партіями занимаетъ партія *посредствующихъ богослововъ.* Оно признаетъ право ума на свободу изслѣдованія въ дѣлѣ вѣры, но нѣкоторые христіанскіе догматы, особенно касающіеся ученія о лицѣ I. Христа и такъ-называемыхъ фактовъ спасенія, принимаетъ въ смыслѣ ортодоксальной партіи, и подобно ей признаетъ ихъ неприкосновенными, неподлежащими критикѣ. Въ виду такого печальнаго положенія дѣлъ протестанства, вслѣдствіе разъединенности и разобщенности внутреннихъ силъ, въ виду его безсилія предъ врагами, въ виду чувствуемой многими неспособности его удовлетворять кореннымъ и существеннымъ потребностямъ человѣческаго духа, многіе, по свидѣтельству самихъ протестантскихъ писателей, стали приходить къ убѣжденію въ неизбѣжности скораго паденія и разложенія протестантизма: примиреніе съ католицизмомъ невозможно; объединить и оживить протестантство собственными силами—не найдено средствъ.

Кромѣ указанныхъ статей въ двухъ названныхъ книжкахъ „Пр. Обз.—я“ печатаются статьи: „*Натуралистъ Уоллэсъ и его русскіе переводчики*“, А. Ѳ. *Гусева*; „*Церковно-общественные вопросы: о приходскихъ попечительствахъ въ отношеніи благотворительности*“, Н. А. *Никольскаго*; „*Позднее слово о преждевременномъ дѣлѣ.* Страница въ исторіи русской философской мысли“, М. Н—ч; „*Идея единобожія въ ветхомъ завѣтѣ*“, А. Д. *Бѣляева*; „*Изъ современной жизни русскихъ сектантовъ*“, прот. Г. И. *Панова*.

СЛОВО
въ Великій Пятокъ.

Вотъ и еще сподобились мы, бр. хр., увидѣть святый и великій день, въ который торжественно воспоминаемъ страданія и крестную смерть Господа нашего І. Христа; и еще св. Церковь возводитъ насъ на гору Голгоѳу, поставляетъ насъ у самаго креста Христова, и торжественнымъ дѣйствіемъ выноса Плащаницы изъ алтаря Господня изображаетъ снятіе съ креста бездыханнаго, умученнаго, изъязвленнаго тѣла Божественнаго Страдальца. На уготованной Плащаницѣ она являетъ намъ и самый образъ пречистаго тѣла Христова со всѣми страшными признаками крестныхъ страданій.

Наша теперь обязанность, бр. хр., внимательно всмотрѣться въ этотъ святѣйшій образъ и потомъ уже приступить къ благоговѣйному поклоненію ему и лобзанію. Что мы видимъ и примѣчаемъ на немъ?

Видимъ пресвятую главу нашего Господа; она изъязвлена терніемъ, изранена ударами трости. За что? За мое и твое превозношеніе и презорство, слушатель; за тѣ горделивые помыслы и измышленія ума, коими преисполнено наше самомнѣніе.—Видимъ пресвятое лице нашего Господа, на которое съ благоговѣніемъ взираютъ св. Ангелы, оно оплевано и поругано ударами. За что? За то, что родъ прелюбодѣйный и грѣшный изъ созданной Богомъ красоты творитъ себѣ кумиръ преступныхъ страстей и предметъ нечистыхъ вожделѣній.—Видимъ пречистыя уста нашего Господа, изрекавшія слово жизни и спасенія, слово любви и милосердія; онѣ напоены оцтомъ и желчію. За что? За то, что человѣкъ естественную потребность питанія превратилъ въ страсть чревоугодія.—Видимъ благостнѣйшіе

очи нашего Господа, тьмами темъ свѣтлѣйшіе солнца; они залиты кровію и слезами и обложены тьмою смертною. За что? За тѣ гордые и презорливые, соблазняющіеся и соблазняющіе взоры, коими уловляетіся въ сѣть порока неопытная юность.—Видимъ пречистыя ушеса нашего Господа; онѣ полны злохуленій и ругательствъ, насмѣшекъ и кощунства. За что? Въ возмездіе за ежечастное злоупотребленіе дара слова, коимъ Господь Богъ украсилъ одного человѣка между всѣми видимыми тварями.—Видимъ пренепорочныя руцѣ нашего Господа; онѣ были связаны, какъ у преступника, растягнуты и пригвождены къ кресту. За что? За тѣ безчисленныя злодѣянія, для совершенія коихъ человѣкъ злоупотребляетъ симъ орудіемъ духа.—Словомъ, отъ главы и до ногъ въ причистомъ тѣлѣ Господа нѣтъ цѣлости; все оно изъязвлено, изранено, обнажено и опозорено. За что? За мои и твои грѣхи, слушатель. За мои и твои грѣхи пострадалъ и умеръ на крестѣ Господь нашъ І. Христосъ, потому что изъ любви къ грѣшному роду человѣческому восхотѣлъ пострадать и умереть; восхотѣлъ явить міру и правду Божію, неумолимо карающую грѣхъ въ безгрѣшномъ Его человѣчествѣ, и человѣку грѣшнику даровать помилованіе и прощеніе въ правдѣ Божіей.

Вы знаете, бр. хр., кто первый изъ грѣшниковъ на Голгоѳѣ удостоился получить отъ Господа помилованіе и прощеніе. Это—разбойникъ благоразумный. Въ виду распятаго на крестѣ Праведника, въ тяжкихъ мукахъ креста своего, предъ лицемъ неба и земли онъ осудилъ свою беззаконную жизнь, и, въ чаяніи оправданія предъ Богомъ праведностію Сына Божія, распятаго на крестѣ, съ крѣпкимъ воплемъ вѣры и упованія воскликнулъ Ему: „помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ".—Послѣдуемъ и мы, бр. хр., сему доброму примѣру. Съ дерзновеніемъ

разбойника благоразумнаго падемъ предъ святѣйшимъ образомъ Спасителя нашего и Господа; съ вѣрою и любовію облобызаемъ Его искупительныя язвы; сердце сокрушенное и покаяніе неизмѣнное принесемъ Ему и воззовемъ: пріими, Господи, и наше покаяніе; не затвори и намъ грѣшнымъ двери милосердія Твоего. „Помяни насъ, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ“. Аминь.

Прот. **Ѳ. Пантелѣевскій.**

ПОПРАВКА.

Въ 4-мъ № П. Е. В. въ статьѣ, оконченной печатаніемъ въ предыдущемъ номерѣ, относительно надписи, сдѣланной къ православному изображенію креста, „*на четвероконечномъ римскомъ, а не на осмиконечномъ брынскомъ Христосъ распятъ бысть*“—нами допущена ошибка. На томъ основаніи, что составитель картины не указалъ, откуда взяты имъ эти слова, мы сказали, что ихъ нѣтъ ни въ какомъ сочиненіи писателей православной Церкви. Извиняемся предъ читателями въ поспѣшности, съ какою мы сдѣлали это заключеніе. Слова означенной надписи находятся въ Розыскѣ святителя Димитрія Ростовскаго (Роз. ч. 2, гл. 24, стр. 179). Впрочемъ, смыслъ ихъ далеко не тотъ, какой хотѣлъ имъ дать составитель картины. Взятыя отрывочно у составителя картины онѣ представляются съ характеромъ бранчивымъ, недостойнымъ святости предмета, и, какъ-бы, подтверждающимъ обвиненіе старообрядцевъ, что православная Церковь, вмѣсто истиннаго креста Христова, стала чтить *крыжъ латинскій*. Но у свят. Димитрія онѣ суть плодъ спокойнаго изслѣдованія истины. Святитель ставитъ вопросъ, на какомъ крестѣ распятъ Христосъ? И говоритъ, что хотя Христосъ распятъ былъ по требованію Іудеевъ, но распятъ римскимъ проконсуломъ Пилатомъ, римскими

воинами, по римскимъ законамъ. У Іудеевъ не было обычая распинать на крестѣ,—*въ жидовствѣ*, говоритъ онъ, *крестовъ не было*. Посему Онъ распятъ на крестѣ, какой употреблялся для казни преступниковъ у Римлянъ. Какой же крестъ употреблялся у нихъ? Четвероконечный, а не осмиконечный. Христосъ, продолжаетъ святитель, несъ на Голгоѳу крестъ именно четвероконечный; потому что на немъ не было еще титла, (или дощечки съ надписью І. Н. Ц. І.), которое Пилатъ повелѣлъ возложить на крестъ, когда Іисусъ Христосъ уже былъ распятъ; не было и подножія, такъ какъ, когда Христосъ еще не былъ вознесенъ на крестъ, воины не могли знать, *до какого мѣста досяжутъ нозѣ Христовы*, чтобы придѣлать его,—это могло сдѣлаться только на Голгоѳѣ. Итакъ, четвероконечный крестъ несъ на себѣ Христосъ Осмиконечный крестъ сдѣлался исключительнымъ предметомъ чествованія только у раскольниковъ въ брынскихъ лѣсахъ: не сюда же было Римлянамъ посылать за крестомъ. Итакъ, заключаетъ святитель въ концѣ всего разсужденія о крестѣ „на четвероконечномъ римскомъ, а не на осмиконечномъ брынскомъ (употребляемомъ скитниками брынскихъ лѣсовъ) Христосъ распятъ бысть".

Прот. І. Бурлуцкій.

Программа церковной лѣтописи, составленная симбирскою дух. консисторіею.

Въ церковную лѣтопись должны быть вносимы слѣдующія свѣдѣнія:

1) Съ какого времени начался приходъ, отъ чего получилъ такое названіе, если онъ именуется не по мѣстному храму, а по какому-либо урочищу или событію; какого племени прихожане, чисто ли русскіе, или обращенные изъ инородцевъ и давно ли занимаютъ настоящее мѣсто житель-

ства; изъ какихъ селеній состоялъ прежде приходъ и изъ какихъ состоитъ теперь; буде есть въ приходѣ замѣчательныя мѣстности, то—существующія преданія о нихъ.

2) Въ какомъ году церковь построена, во имя какого святаго, каменная или деревянная, съ чьего благословенія, на чей счетъ и чего стоитъ примѣрно постройка ея; не было ли, и когда именно, какихъ-либо построекъ и значительныхъ передѣлокъ въ церкви, сооруженія вновь иконостаса, цѣнной утвари, съ показаніемъ стоимости оныхъ и на чей счетъ; нѣтъ ли въ храмѣ особенно замѣчательныхъ предметовъ, напр. чудотворной иконы, или покрайней мѣрѣ особенно почитаемыхъ древнихъ иконъ и другихъ замѣчательныхъ древностію или цѣнностію предметовъ; не терпѣла ли церковь какихъ-либо несчастныхъ случаевъ, каковы: похищенія, пожаръ, поврежденіе отъ грозы и т. п. Время посѣщенія церкви и служенія въ оной епархіальнаго архіерея, а также временныя посѣщенія и другихъ значительныхъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія. Не существуетъ ли въ приходѣ мѣстныхъ крестныхъ ходовъ и особыхъ общественныхъ моленій и по какому случаю они установлены; нѣтъ ли въ приходѣ часовенъ, когда и по какому случаю онѣ построены.

3) Имена современнаго причта и церковнаго старосты; съ какого времени состоятъ при церкви; духовныя лица изъ дѣшнихъ ли урожденцевъ, или иноепархіальныя; перемѣны въ составѣ лицъ причта и по какому случаю; особые подвиги и заслуги членовъ причта и старосты на пользу церкви или прихода; награды отъ Епархіальнаго начальства или высшаго Правительства; имена отличныхъ благодѣтелей церкви и ихъ приношенія.

4) Степень усердія прихожанъ къ богослуженію, исповѣди и св. причастію; не было ли значительныхъ случаевъ обращенія изъ раскола, или наоборотъ —совращенія въ рас-

коль; обращеніе изъ іудейства или магометанства; открытіе какого либо общественнаго благотворительнаго заведенія, приходской школы, степень расположенія или предубѣжденія противъ оной.

5) Въ лѣтописи могутъ имѣть мѣсто всякаго рода явленія и событія въ приходѣ, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, какъ-то: необыкновенные роды или смерть, рѣдкаго долголѣтія, чрезвычайныя явленія въ природѣ, затмѣніе солнца и луны, метеоры, кометы, сѣверное сіяніе, сильныя бури и грозы съ ихъ послѣдстіями въ предѣлахъ прихода, градобитія, пожары, засухи и слишкомъ сильныя дожди, сильные морозы и жары, поздняя или ранняя весна, наводненія, повальныя болѣзни на людей и скотъ, общественныя смуты въ народѣ, знаменія особеннаго промысла Божія о людяхъ и небеснаго покровительства и т. п.

6) Въ концѣ каждаго года лѣтописи показывать: число родившихся, умершихъ, брачившихся и присоединенныхъ къ православію; о приходѣ, расходѣ и остаткѣ церковныхъ суммъ, а также о числѣ учащихся въ церковной приходской школѣ.

Книга лѣтописи, изъ бѣлой хорошей бумаги въ листъ, должна быть выдана за скрѣпою мѣстнаго благочиннаго, но безъ шнура и печати его, и ведена чисто и опрятно. По истеченіи каждаго года всѣмъ членамъ причта подписывать на послѣдней писанной страницѣ; попеченіе объ исправномъ веденіи лѣтописи возлагается преимущественно на старшаго члена причта. (Симб. Еп. Вѣдом.).

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

СТОКЪ" (безъ предварительной цензуры), мы поставили своею задачею разъяснить текущіе вопросы, вызванные политическими и религіозными событіями, на Востокѣ, среди родственныхъ намъ по вѣрѣ и крови народовъ, для чего мы рѣшились установить чрезъ нашъ органъ прямой обмѣнъ мыслей между греческою, сербскою, болгарскою, румынскою и русскою публицистикой по предметамъ общаго интереса, тѣмъ болѣе, что личныя наши отношенія и знакомства съ нѣкоторыми выдающимися представителями славянской и греческой литературы, ставятъ нашу газету въ этомъ отношеніи въ особо выгодное положеніе; въ то же время мы примемъ участіе въ разъясненіи текущихъ вопросовъ государственной и общественной жизни въ Россіи. Въ газетѣ будутъ помѣщаться корреспонденціи, какъ внутреннія, такъ и заграничныя. Въ литературномъ отдѣлѣ: романы, повѣсти, разсказы и др. произведенія русской, славянской и иностранной беллетристики, историческіе, этнографическіе и статистическіе очерки, преимущественно греко-славянскаго міра, критика и біографія, судебныя дѣла, фельетонъ и проч. Цѣна газеты: за годъ съ пересылкою и доставкою 8 рубл., за полгода 4 руб. 50 коп. Подписка принимается въ Москвѣ, на Остоженкѣ, въ д. Алексѣевскаго монастыря, въ редакціи газеты „ВОСТОКЪ".

Въ Казани вышла новая книга: СЕЛЬСКІЙ СБОРНИКЪ настольная книга для сельскихъ житилей: учителей, духовенства, сельскихъ хозяевъ, фельдшеровъ и друг. лицъ, живущихъ въ селахъ. Содержаніе ея: **Свѣдѣнія для сельскихъ учителей:** руководящія правила ихъ дѣятельности; правила для учениковъ, законы по школьному дѣлу, каталогъ книгъ, дозволенныхъ къ употребленію въ школахъ, программы учительскихъ экзаменовъ; положенія объ учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ. **Законы о духовенствѣ:** о правахъ лицъ

духовнаго званія и ихъ семействъ, пенсіяхъ, обезпеченіи, духовномъ судѣ и о степеняхъ родства. **Медицинскія свѣдѣнія:** перечисленіе обыкновенно встрѣчающихся болѣзней (до 125), и средствъ для ихъ излеченія (до 500); устройство домашней аптеки. Особая статья о чумѣ. **Свѣдѣнія для родителей** по опредѣленію дѣтей въ учебныя заведенія. Правила и програмы вступительныхъ экзаменовъ. **Свѣдѣнія по сельскому хозяйству**, садоводству, цвѣтоводству и огородничеству. **Судебныя свѣдѣнія.** Образцы и формы дѣловыхъ бумагъ. **Свѣдѣнія для лицъ обоего пола**, ищущихъ образованія. Общія статистическія и церковно-статистическія свѣдѣнія. О ссудо-сберегательныхъ товариществахъ: порядокъ ихъ учрежденія. *Цѣна сборнику одинъ рубль, на пересылку прилагается марокъ на 20 коп. Выписывающіе два и болѣе экземпляровъ за пересылку не платятъ.* Съ требованіями обращаться: въ г. Казань, въ Императорское Экономическое Общество, Члену Дмитрію Александровичу *Соколовскому*, или къ экономy Казанской дух. академіи Матвѣю Николаевичу *Таліеву*.

ОГЛАВЛЕНІЕ НЕОФФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ.

Редакторы, преподаватели семинаріи: А. Поповъ. Н. Смирновъ.

Дозволено ценз. Пенза, 15 апрѣля 1879 г. Цензоръ, ректор. сем., прот. С. Масловскій.

Печатано въ Пензенской Губернской Типографіи.